

Татьяна Устинова – первая среди лучших!

Читайте детективные романы:

Мой личный враг	Колодец забытых желаний
Большое зло и мелкие пакости	От первого до последнего слова
Хроника гнусных времен	Жизнь, по слухам, одна!
Одна тень на двоих	Там, где нас нет
Подруга особого назначения	Третий четверг ноября
Развод и девичья фамилия	Тверская, 8
Персональный ангел	На одном дыхании!
Пороки и их поклонники	Всегда говори «Всегда»
Миф об идеальном мужчине	Сразу после сотворения мира
Мой генерал	Где-то на краю света
Первое правило королевы	Сто лет пути
Седьмое небо	Ковчег Марка
Запасной инстинкт	Чудны дела твои, Господи!
Богиня прайм-тайма	Шекспир мне друг, но истина дороже
Олигарх с Большой Медведицы	Вселенский заговор
Близкие люди	Вечное свидание
Закон обратного волшебства	Ждите неожиданного
Дом-фантом в приданое	Селфи с судьбой
Саквояж со светлым будущим	Земное притяжение
Пять шагов по облакам	Призрак Канта
Гений пустого места	Звезды и Лисы
Отель последней надежды	Девчонки, я приехал!

Сериал «Сценарии судьбы Тонечки Морозовой»

Серьга Артемиды

Пояс Ориона

Камея из Ватикана

Сериал «Писательница Маня Поливанова»

С небес на землю

Неразрезанные страницы

Один день, одна ночь

Судьба по книге перемен

Роковой подарок

Татьяна
УСТИНОВА

С небес на землю

МОСКВА
2024

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
У80

Редактор серии *А. Антонова*

Дизайн обложки *Н. Каштыкиной*

Устинова, Татьяна Витальевна.

У80 С небес на землю : [роман] / Татьяна Устинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Татьяна Устинова. Первая среди лучших).

ISBN 978-5-04-190959-8

Он ведет странную жизнь и, кажется, не слишком ею доволен. У него странная профессия, странные привычки, даже имя странное — Алекс Шан-Гирей!..

Издательство, в которое Алекса пригласили на работу, на первый взгляд кажется вполне мирным, уютным и процветающим. Все друг друга любят и заняты благородным делом — изданием книг.

Все пойдет прахом как раз в тот день, когда в коридоре издательства обнаружится труп. Кто этот человек? Как он туда попал? Выходит, убил его один из тех самых милых и интеллигентных людей, занятых благородным делом?! И как докопаться до истины?!

А докапываться придется, потому что Алексу тоже угрожает смертельная опасность — он увяз в давней тяжелой ненависти, совсем позабыл про любовь, потерялся по дороге. Да и враг, самый настоящий, реальный, хитрый и сильный, не дремлет!..

Ему во всем придется разбираться — в ненависти, в любви, во врагах и друзьях, ибо он не знает, кто друг, а кто враг! Ему придется вернуться с небес на землю, оглядеться по сторонам, перевести дыхание и понять, что здесь, на земле, все не так уж и плохо!..

ISBN 978-5-04-190959-8

© Устинова Т.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Снова все испорчено. Ведь как должно бы быть: сначала у тебя появляется тайна, а потом ты преподносишь всем сюрприз. Но если живешь в семье, ничего не получается — ни тайны, ни сюрприза. Все всё знают с самого начала, так что никогда ничего веселого не получится.

Тове Янссон. «Повесть о последнем в мире драконе»

— Вы кто?!

Он мялся на пороге, не решаясь войти.

— А... вас не предупреждали обо мне?

Ответом на этот вопрос явилось возмущенное фырканье — должно быть, не предупреждали!..

Он ждал, скулы у него покраснели, и от неловкости вдруг стало очень жарко, а она не торопилась. Сложила бумаги, выровняла по краям и без того идеальную стопку, сцепила руки в замок — кисти крупные, ногти короткие без лака, — погрузила подбородок в волны шейного платка, завязанного почти по-пионерски, и уставилась на него поверх очков.

Он ждал в дверях — терпеливо.

— И что вам нужно?

Он улыбнулся, чувствуя собственное собачье заискивание. Он то и дело заискивал, особенно в последнее время.

— Моя фамилия...

— Дверь.

— Простите?..

— Закройте дверь.

Он помолчал секунду.

Как плохо все начинается!.. Как отвратительно все начинается. Хуже не придумаешь. Ему просто

необходимо стать здесь... своим, и ничего не получается!..

Впрочем, у него вообще ничего не получается. Особенно в последнее время.

— Я могу зайти потом...

— Не нужно потом! — рыкнула хозяйка кабинета. — Вы уже зашли сейчас! Закройте дверь. Пройдите. Сядьте.

Вот на кого она похожа — на ефрейторшу из черно-белого фильма про войну! Ему всегда нравилось придумывать сравнения.

Он проделал все, как было велено: закрыл, прошел, сел, и очень неудачно! Оказалось, что кресло глубокое, вязкое, низкое, и теперь взгляд его упирался как раз в узел ее пионерского галстука. Чтоб добраться до лица, приходилось смотреть вверх.

— Вы кто? Автор? Если так, то вам на второй этаж, я авторов не принимаю.

Он вдруг развеселился — настолько, насколько позволяло его теперешнее положение.

— Почему... автор?

— У вас недокормленный вид, как у всех писателей. Или вы с бумагами от Канторовича?

— Моя фамилия Шан-Гирей. — Он облизнул губы, которые все время сохли. — И я новый сотрудник издательства.

Конечно, она ничего не услышала, кроме странной фамилии!..

— Ка-ак?!

— Шан-Гирей, — повторил он. — Пишется через черточку, то есть через тире. То есть через дефис. У Лермонтова, если помните, были родственники по линии бабушки как раз Шан-Гиреи...

— Да при чем тут дефис и родственники Лермонтова?! — Она сдернула очки. — Вы кто?!

— Я новый заместитель генерального директора. — Ей-богу, он чувствовал себя виноватым, как

будто признавался в чем-то постыдном! — Я шел мимо, а у вас дверь была открыта, и я решил...

Очки шлепнулись на пол с дребезжащим звуком. Он кинулся их поднимать, но, пока доставал себя из кресла, она уже вынырнула из-под стола, зажав очки в руке, дико на него взглянула и схватилась за телефон.

Ну да, конечно. Следует немедленно все проверить. Какой, к черту, из него заместитель генерального! Того и гляди, милицию придется вызывать, а то и санитаров.

— Настя, соедините меня! Нет, прямо сейчас. — Она послушала немного. — Хорошо, я подожду. А вы сядьте, сядьте!..

Решив, что в кресло ни за что не вернется, он огляделся, обнаружил три стула, стоящих вдоль стены, сел на средний, справа пристроил сумку, а слева куртку. Потом решил, что таким образом занимает слишком много места, и пристроил куртку на сумку. Потом еще немного подумал и взвалил весь ком себе на колени.

Хозяйка кабинета следила за его возней, не отнимая трубки от уха, — очень неодобрительно, немного даже с подозрением.

Видимо, на том конце линии что-то произошло, потому что выражение у нее моментально стало притворно-ласковым, нежным, как будто абонент из трубки мог воочию наблюдать «ряд волшебных изменений чудного лица».

— Анна Иосифовна, это я. Простите, что беспокою, но ко мне пришел человек, который утверждает, будто он ваш новый заместитель, а я ничего об этом не зна...

В трубке заворковало, довольно громко.

Слов он не мог разобрать, конечно, но понятно было, что говорят убедительно, даже настойчиво, и

чем дальше, тем больше эта настойчивость повергает ефрейторшу в растерянность.

Растерянная ефрейторша — своеобразное зрелище.

— Хорошо, — сказала она так, как по уставу положено говорить «есть!»: ясно, громко, четко. — Поняла. Да. Сделаю все, что смогу.

Задумчиво постучала себя по ладони смолкшей трубкой, выбралась из-за стола, подошла к окну и уставилась на улицу.

Он ждал.

Ефрейторша спохватилась, подтянула узел шейного платка, смахивавшего на пионерский галстук, выдохнула, как будто хлопнув стопку, и повернулась к нему.

— Итак, здравствуйте! — Это было сказано до странности бодряческим тоном и так фальшиво, что ему вновь стало неловко. — Меня зовут Митрофанова Екатерина Петровна, будем знакомы.

Издали протянув руку, она двинулась на него, он вскочил, куртка полетела на пол, сверху плюхнулась сумка, из которой лениво, как будто неохотно, вывалились растрепанная записная книжка, какие-то разномастные карандаши, наушники и журнал с красивой девушкой на обложке.

Вместо того чтобы пожать протянутую руку, он начал бестолково собирать свое барахло и совать его обратно в сумку, а когда выпрямился, пожимать было нечего.

Она стояла словно по команде «вольно» и смотрела на него, похоже, с отвращением.

— Меня только что назначили, — сказал он, пытаясь оправдаться немного. — Анна Иосифовна, должно быть, просто не успела поставить вас в известность...

— Ну да, — согласилась Екатерина Петровна бесстрастно. — Ну да.

Полоумная старуха окончательно лишилась ра-

зума, вот что она хотела сказать на самом деле, и он отлично понимал это. Назначить *такого* заместителем — кем же надо быть?!

Ему не хотелось оправдываться, в последнее время он устал оправдываться, но то и дело приходилось!..

— Наверное, будет официальное представление, то есть даже обязательно, но я решил заранее...

— Насколько я понимаю, — перебила его Екатерина Митрофанова, — вы пришли на место Веселовского, то есть именно вы будете заниматься работой с авторами...

И тут она не справилась. Тяжело опустила на свой трон и взялась рукой за лоб.

— Господи-и-и, — протянула по-бабьи, — да что ж это такое? Как вас хоть зовут-то?..

— Алекс, — бухнул он по привычке, но тут же поправился: — Александр.

— Прэлэстно, — оценила Екатерина Петровна тоном Фаины Раневской, — еще и Алекс! Алекс Юстасу. Господи-и-и...

— Вы не переживайте так, — сказал он негромко. — На самом деле я нормальный.

И зря сказал!.. Впрочем, он часто говорил невпопад, особенно в последнее время!.. Она отняла руку ото лба, взглянула, и от ненависти и отвращения у нее затряслись губы.

— Анна Иосифовна, разумеется, вольна принимать любые решения! И обсуждать их с вами я не намерена! — Она помолчала немного, пытаясь справиться с собой. — Итак, у вас ко мне какой-то конкретный вопрос, Александр... как вас по отчеству?..

— Павлович. — Никто и никогда не называл его по отчеству в той, давней, жизни, которая была у него когда-то. В новой, по всей видимости, придется привыкать. — У меня нет никаких вопросов, Екатерина Петровна. Я просто хотел познакомиться.

— Значит, будем все решать в рабочем порядке, Александр Павлович, — подытожила Екатерина Петровна. — Или помощь вам не нужна и вы все понимаете в работе с авторами и в издательском деле, как таковом?..

Эта казенная формулировка — как таковая — почему-то окончательно убедила его в нелепости всей затеи. Ему никогда не стать здесь своим, и ничего он не сможет с этим поделать, и ничего у него опять не выйдет, это уж точно!..

Слишком часто он думал, что ничего не выйдет, — особенно в последнее время!..

Прижимая к груди куртку, а к боку нелепо разъявленную сумку, он попятился к выходу, отчего-то не решаясь повернуться к хозяйке кабинета спиной, словно она являла собой Стену Плача, как вдруг дверь распахнулась, едва не поддав его по заднице, и на пороге показалась перепуганная тетка. В каждой руке у нее было зажато по мобильному телефону.

Она почти споткнулась об Алекса, но не обратила на него никакого внимания. Он посторонился, пропуская ее.

— Катя, — выпалила тетка, и глаза у нее внезапно налились слезами, — ты только не пугайся, но у нас... прямо здесь, в коридоре... Тебе, наверное, самой надо посмотреть...

— Что?! Что такое?!

— Человека убили, — зловещим шепотом договорила та и оглянулась по сторонам.

Вот все и началось, успел подумать Алекс.

Человек лежал ничком в комнатенке, заставленной железными шкафами. Дверцы шкафов были открыты, и внутри виднелись собранные в пуки пыльные провода, тумблеры и какие-то кнопки.

Люди в коридоре негромко переговаривались, но входить не решались и расступились как по команде, когда, громко топая, примчалась задыхающаяся Екатерина Петровна со свитой — начальником отдела женской прозы Надеждой Кузьминичной и неизвестным странным типом. Тип, завидевши труп, быстро ретировался в боковой коридор. Там он почему-то сел на пол, достал мобильный и нажал кнопку. Рука у него тряслась.

Стрешнев все время видел его боковым зрением. А этот откуда взялся?

Митрофанова пятилась от лежащего тела, отводила глаза и с трудом сглатывала.

— Кто это?!

— Да неизвестно кто, Екатерина Петровна...

— Как неизвестно, когда он в этом... как его... ну, в форме! Где Сергей Ильич?

У Екатерины, оказывается, нервишки тоже наличествуют, потому что голос она возвысила почти до визга и очки на носу перекосились, сделав ее смешной и жалкой.

— Где начальник хозяйственной службы, я спрашиваю?! Позовите его кто-нибудь немедленно!

— Да его с утра не было, Екатерина Петровна. Он, кажется, на склад в Видное уехал и сегодня быть не собирался.

— Ну, тогда кого-нибудь, кто может знать этого... покойного! Найти быстро!..

«Напрасно она вопит, — подумал Стрешнев, — ох напрасно!.. Нельзя так расходиться на глазах у людей. И без того происшествие... неприятное. Трагическое, можно сказать».

Народ все прибывал, запах беды и сенсации волнами расходился по издательству. Повсюду хлопали двери, и коридор потихоньку начинал гудеть, заполняясь голосами, как растревоженный среди зимы омшаник.

— А крови-то... — бормотала Надежда Кузьминична. — Катя, там столько крови...

— Прекратить! Закройте дверь немедленно!

— Как же ее закроешь, если там у него... ноги!..

Труп действительно лежал так, что закрыть дверь было никак невозможно.

— А милиция? Вызывать?..

— Господи, да кто же его так?..

— Из спины торчит, видишь?..

— А это наш рабочий, что ли?..

Надежда Кузьминична протолкалась через гомонящую толпу, зажимая рот рукой, и кинулась в сторону туалета.

Неизвестно как здесь оказавшийся, трясущийся тип что-то быстро говорил в мобильный телефон, и Стрешнев, который беспокоился все больше, решил подойти к нему.

— Вы кто?

Тип поднял светлые, совершенно больные глаза, мотнул головой и сказал в трубку:

— Все, я уже не могу разговаривать. Давай. Думай быстрее. Пока.

— Вы кто?!

Тот поднялся, придерживаясь рукой за стену. Какие-то вещи остались лежать на полу — кучей.

— Если вы журналист... — возвысил голос Стрешнев.

— Я не журналист, — выговорил тип неохотно. — Я новый сотрудник издательства. — Тут Стрешнев вытарашил глаза. — Моя фамилия Шан-Гирей, и навести обо мне справки вы можете у Анны Иосифовны.

Стрешнев не поверил ни единому его слову.

— А кому вы кинулись звонить так поспешно?

Новый сотрудник вытащил из кучи на полу объемистую сумку и зачем-то воздвиг ее на плечо.

— Я звонил своей девушке, — глядя Стрешневу

в лоб, выговорил он. — Назначал свидание. Этого достаточно или вы еще что-то хотите узнать?..

— Саша! Саша, подойди сюда быстрее!

Стрешнев дернул шеей — отступить ему не хотелось. И запах беды, разлитый в коридоре, взвинчивал нервы, как будто с каждым вздохом струна все туже натягивалась на колокол.

— Саша!!! Где Стрешнев?!

Зная, что Екатерина теперь ни за что не уймется, так и будет голосить, Стрешнев еще раз смерил бледного субъекта взглядом, чтобы у того не осталось никаких сомнений в том, что поединок не окончен, и ввинтился в уплотнившуюся и разросшуюся толпу.

— Катя, я здесь. — И он понизил голос: — Что ты кричишь?..

— Нужно послать кого-то наверх, чтобы Анна Иосифовна сюда не подходила! Вообще что-то надо делать! Я не знаю, «Скорую», что ли, вызвать или милицию!

— И «Скорую», и милицию.

— Может, имеет смысл сначала Павлу позвонить?..

И они посмотрели друг другу в глаза.

Да. Такой шаг требовал серьезных обсуждений, а времени у них не было совсем.

— В любом случае придется звонить ментам! Даже если Павел...

— А что Павел, когда у нас тут... убийство?!

— Вот именно, — сказал Стрешнев значительно. — Вот именно.

Митрофанова перевела взгляд на толпу у него за плечом и вдруг заговорила громко и отчетливо, как на плацу перед строем:

— Значит, так. Никаких мобильных телефонов. Все убрать немедленно. Если кто-то вякнет хоть

что-то в Интернете, найду и уволю по статье. Вы все прекрасно знаете, что так и будет!

Глазами она зацепилась за кого-то в толпе и спросила, еще прибавив голосу:

— Так, Олечка?!

— Так, Екатерина Петровна, — проблеяла Олечка из отдела русской прозы. Всем в издательстве было хорошо известно, что эта самая Олечка — «крутой блогер» и однажды ее блог прочитали целых сто человек. Это было событием.

— И я советую всем вернуться на свои рабочие места!

«А вот это опять напрасно, — подумал Стрешнев. — Все равно никто не вернется, а давать указания, которые никто не собирается выполнять, — глупо и ни к чему».

— Что здесь происходит?..

Екатерина Петровна вздрогнула, очки перекосилились еще больше, и рот утратил четкие контуры, словно она собралась зарыдать. Стрешнев даже поддержал ее под локоть.

— Где Митрофанова? Стрешнев где?

Из конца коридора, заполненного народом уже до краев, как будто пошла приливная волна, сотрудники шарахнулись к стенам, и к ним приблизился Павел Литовченко — владелец издательства «Алфавит», самого крупного в России и третьего в Европе, бог отец, бог сын и бог дух святой в одном лице.

Митрофанова быстро глянула на Стрешнева.

...Откуда он здесь взялся?! Мы же только собирались ему звонить! Или ты меня обошел на повороте и уже позвонил сам?! Если так — берегись. Не прощу.

Стрешнев отвел глаза.

Понятия не имею откуда!.. Он же почти никогда

не приезжает! Впрочем, может, оно и к лучшему. Не придется звонить.

— Павел Николаевич, у нас здесь... несчастье!

— Как это случилось?

— Мы не знаем. Надежда Кузьминична зашла в этот коридор и вот... нашла. — Митрофанова обеими руками подтянула узел шейного платка, похожего на пионерский галстук. — Я собиралась вам звонить, а вы уже приехали, оказывается.

— Милицию вызывайте, — приказал Литовченко охраннику. — И службу безопасности сюда. Кто там? Беляев Володя?

— Он самый.

— Вот и его тоже. Кто убит, хоть определили?

— Да в том-то и дело, что нет! Он в комбинезоне, значит, из хозслужбы, но начальник в Видном, и мы пока...

Давешний нервный тип вдруг материализовался из отхлынувшей толпы, выбрался на передний план и даже задел Литовченко плечом.

Митрофанова изменилась в лице. Стрешнев сделал движение, будто собирался схватить типа за шиворот. Литовченко посмотрел и посторонился. Его охранник что-то быстро говорил в мобильный, тоже взглянул без всякого интереса и отвернулся.

Тип присел на корточки и зачем-то устался на ботинки лежащего ничком мужчины в комбинезоне.

— Анну Иосифовну уже успели перепугать?

— Павел Николаевич, я послала к ней людей, чтоб ее сюда не пускали, но, конечно, все уже знают, и она наверняка тоже.

— С ней никаких подробностей не обсуждать, — приказал владелец своим топ-менеджерам таким же тоном, каким они сами давеча приказывали остальным.

Блогер Олечка пришла в восторг и даже слегка пнула в бок Кирюшу из художественного отдела,

который тоже славился любовью к Всемирной сети, и одними губами выговорила: «Получила, сука!» Справедливость, с ее точки зрения, таким образом хоть отчасти восторжествовала!..

Рассмотрев ботинки лежащего, тип перевел взгляд на лужицу темной крови, затекшую под железный шкаф, и Стрешневу, который не отводил от него глаз, показалось, что его сейчас вырвет.

— Вы бы шли отсюда, — Стрешнев ткнул типа в плечо железным пальцем, и тот оглянулся, но, кажется, ничего и никого не увидел.

— Да, — пробормотал он, — да, сейчас. Одну секундочку.

Вытянул шею и заглянул в комнатенку.

Почему-то следом за ним туда же заглянул и Литовченко.

— А что здесь вообще помещается? — Он повернулся и посмотрел на Митрофанову.

Екатерина Петровна под его взглядом заметалась, заоглядывалась, боком, по-куриному отступила, стрельнула глазами в Стрешнева, но он ничем не мог ей помочь — или не хотел.

— Я точно не знаю... Кажется, какой-то склад.

— Склад чего?! Металлолома?!

Новый сотрудник со странной фамилией перешагнул через труп и оказался внутри.

— Скоро приедет Сергей Ильич и скажет, а я в хозяйственных помещениях не очень разбираюсь... — Она тревожно заглянула внутрь. — Послушайте, как вас там!.. Туда нельзя, вы что, не сообщаете совсем?!

— Да, да, — отозвался изнутри давешний полумный. — Я сейчас.

Почему-то ни Литовченко, ни охранник не обращали на него никакого внимания, волновались только Екатерина Петровна со Стрешневым.

Впрочем, что за дело может быть владельцу из-

дательства, да еще в подобных обстоятельствах, до какого-то там празднующегося!..

— Удар-то, — себе под нос пробормотал охранник, — прямо в печень. Точнехонько. Шансов никаких.

— Нож?

— Нож. И такой... непростой нож, Павел Николаевич. Ручка видите какая?..

Екатерина Петровна изо всех сил отворачивалась от ножа, вытягивала шею, пытаясь определить, что делает в комнате новый сотрудник. Ей очень хотелось выместить на ком-нибудь собственные ужас и бессилие, и этот тип подходил как нельзя лучше.

— Послушайте, что вам там нужно?! Выходите оттуда! Вы разве не знаете, что до приезда милиции ничего нельзя трогать!

Новый сотрудник не отзывался, а переступить через труп Екатерина Петровна не решалась. В толпе у нее за спиной произошло движение, вдруг все неожиданно громко заговорили, зашевелились, и Литовченко весь перекосялся:

— Этого еще не хватало! Я же просил! Екатерина Петровна!

Пожилая дама со встревоженным лицом быстро подошла и ухватила владельца издательства за рукав.

— Анна Иосифовна, зачем вы пришли? — Он положил свою ладонь на ее маникюренные пальчики, слегка пожал с осторожным и нежным уважением. — Не стоит на это смотреть. Сейчас приедет милиция, а вы пока возвращайтесь в кабинет. Вот... госпожа Митрофанова вас проводит.

Госпожа Митрофанова подалась вперед, демонстрируя полную готовность провожать старушку в кабинет.

— Павел, — отчетливо выговорила Анна Иосифовна, — ты понимаешь, что это означает?..

Это было сказано таким тоном, что люди вокруг смолкли, словно по команде.

— Я зайду к вам, как только разберусь здесь, — глядя ей в глаза, пообещал Литовченко. — А сейчас прошу вас!..

Она сосредоточенно кивнула, отцепилась от его руки, сделала шаг — все расступились, давая ей дорогу, — вдруг повернулась и остановившимся взглядом посмотрела на лужу крови.

— Нас же предупреждали, — как будто удивленно пробормотала она и стала валиться на бок. Охранник подскочил и поддержал ее, Литовченко что-то заорал про врача, началась суматоха, и в этой суматохе новый сотрудник исчез из комнаты с трупом, как будто его и не было.

Всего неотвеченных вызовов оказалось пятнадцать. Три от Даши, два от матери, а остальные десять номеров ни о чем ему не говорили.

Матери он перезвонил сразу.

— Как твой первый рабочий день? Как тебя приняли?

Ему стало смешно.

— Да все отлично. Приняли с распростертыми объятиями. Сказали, что только меня и ждали.

— Алекс, что опять случилось?!

— Почему случилось? И почему опять?

— Потому что с тобой все время что-то случается!

— Мам, — морщась оттого, что вода с зонта лилась прямо ему в ботинок, сказал он, — все хорошо. Честно. Правда, там детектив какой-то... действительно случился, но он не имеет ко мне отношения.

Как раз детектив имел к нему непосредственное

отношение, но говорить об этом матери он не стал. Он вообще то и дело недоговаривал, врал, изворачивался — особенно в последнее время!

— Какой... детектив? — опешила мать. — Который на бумаге писатель пишет или что-то на самом деле произошло?

— Произошла детективная история, мам, — бодро проинформировал он. — Я тебе сейчас не буду рассказывать, ладно?

Мать вздохнула. Сыновнее упрямство было ей хорошо известно.

— Ну и не рассказывай, не очень-то и хотелось!.. А ужинать приедешь?

— И ужинать я не приеду.

— Вредничаешь? — осведомилась она.

— Просто не приеду. — Он никак не мог сообразить, что нужно сделать, чтобы в ботинок лило не так сильно. — Уже поздно, а мне завтра на работу.

— Это хорошо, сынок, — вдруг сказала мать с силой. — Это очень хорошо, что тебе на работу! Сколько времени ты без работы просидел?..

— Мам, я тебе завтра позвоню, — быстро перебил он. — Ты ни о чем не волнуйся.

— Тогда, может, завтра с Дашей приедете? Будем широко отмечать твой выход на работу.

Алекс знал, он и завтра не приедет тоже, но соврал, что приедет. Вместе с Дашей.

Даше он презванивать не стал.

Путь ему предстоял неблизкий — метро, две пересадки, потом автобусом среди громадных, до свинцовых небес, человеческих ульев, наполненных голосами, страхами, злостью, радостью, усталостью, унынием, надеждой, завистью, добротой, безразличием. Он чувствовал клубящееся месиво внутри ульев, как будто оно клубилось у него внутри, чужие эмоции давили на мозг, не давали покоя, будили его по ночам.

Даша утверждала, что он сумасшедший.

Все они в разное время жизни уверяли его, что он сумасшедший!.. И настал момент, когда он почти поверил в это.

Он брел вдоль громадного здания издательства «Алфавит» и уговаривал себя не думать о собственном помешательстве. Зонт то и дело цеплялся за ветки старых лип, которые в этой части Москвы почему-то еще не успели вырубить, и холодные капли падали на лицо и волосы, стекали за воротник. В ботинке хлюпало, и он точно знал, что завтра будет плох и простужен.

Он всегда простужался, стоило только промочить ноги. Даша говорила — нежен, аки красна девица!..

Итак, все случилось сразу же, как только он переступил порог издательства. У него даже не оказалось времени, чтобы подготовиться, а подготовиться следовало бы!..

Он вспомнил мертвого человека, лужу черной крови под ним — часть лужи уползала под металлический шкаф — и растерянных людей, толпившихся в коридоре. Еще бы!.. Такие происшествия, как правило, не происходят в добропорядочных учреждениях, да еще устроенных нарочито по-европейски — с просторными светлыми коридорами, переговорными комнатами, зимними садами, кактусами на подоконниках и длинноногими девушками, вышагивающими на шпильках по чистым лестницам в поисках лучшей доли!

Ему почему-то всегда казалось, что девушки в офисах заняты исключительно поисками лучшей доли и уж никак не работой, какой бы она ни была!..

Кем был погибший, так и не удалось установить, по крайней мере, Алекс понял это из разговора Митрофановой и того, второго, который, кажется, собирался схватить его за шиворот в кори-